

ОПИСАНИЕ МОРСКОГО БЕРЕГА (ИСПАНИИ)

(*Fontes Hispaniae antiquae* por A. Schulten y P. Bosch Gimpera, I, Barcelona, 1922)¹

[1] Держа в уме и в сердце, Проб, что часто ты мне задавал вопрос, как возможно с достаточной достоверностью узнать места, лежащие у моря Таврики, тем, кто от них отделен пространствами земель, лежащих чуть ли не на краю света, [5] охотно взялся я за этот труд, чтобы тебе своей поэмой выяснить всё то, чего ты так желаешь. Не следует, подумал я, тянуть мне время и не дать тебе для ознакомления очерка с описанием той страны, о которой я читал в старинных книгах [10] и изучению которой я посвятил всю жизнь свою, исследуя, что только было в древности написано о ней таинственного. Даже ведь другому отказать в том, что мне самому не причинило бы ни малейшего ущерба, я счел бы за грубость и невежливость. А к этому я еще добавлю, что ты ведь был для меня как сын, [15] и по любви моей, и по кровному родству. Но и этого было б мало, если б я не знал, что всегда с ненасытной жадностью ты поглощаешь книги и тайны наук древнейших, обладая широким интересом и способностью всё сразу охватить и уяснить себе. Когда бы я не знал [20] твоей неутолимой жажды к знанию и что не в пример другим умеешь крепко ты хранить и понимать всё, что ты узнал, то зачем бесцельно стал бы я доступные немногим тайны знания изливать в ум тех, кто в памяти своей не может их держать? Кто станет наполнять слух тех, которые следить не могут за ходом речи, изложением глубоких мыслей: ведь это—простая болтовня. Таким образом много, очень много причин, Проб, меня побуждало [25] исполнить то, о чем настойчиво меня просил ты. Больше того: я счел, что будет долгом нашего родства, если моя Муза то, что желательно тебе, выполнит и с большей щедростью, и более обширно. Ведь давать, что просят, свойство только тех, кто скупостью не заражен. [30] Но сверх просимого дать лишний дар—в этом скажется и расположенный и щедрый человек.

[32] Спросил ты, если помнишь, где и как расположена область моря Меотийского? Я знал, что очерк дал его Саллюстий, я никогда не отрицал, что он всегда [35] руководился в своей работе лишь авторитетным мнением тех, кто признан был в науке лучшим. К его блестящему описанию, где он, столь выразительный и правдивый художник, можно сказать, показал воочию и форму, и облик этих мест [40] благодаря изяществу своего языка, я решил прибавить много нового, заимствовав его из работ большого числа писателей. Тут будет Гекатей Милетский

¹ В публикуемых текстах Авиена, Страбона, Аппиана и Плутарха в круглых скобках приводятся разъяснения и дополнения переводчика.

и Гелланик с Лесбоса, также афинский Филей, Скилакс из Карианды, затем [45] Павсимах, который родился на древнем Самосе, Дамаст из славного Сигея и Бакор с Родоса родом, а также Эвктемон—он был жителем столицы Аттики,—из Сицилии Клеон, а с ними вместе сам Геродот из Туриума, наконец последний, [50] краса и гордость красноречия, афинянин Фукидид.

Найдешь ты, Проб, часть сердца моего большая,—найдешь ты здесь все те острова, которые поднимаются из моря,—я хочу сказать, того моря, которое за расщелиной разверзшейся земли, от залива Тартессийского [55] и волн Атлантики заставляет наше море (Средиземное) катиться вплоть до далеко лежащих стран; найдешь глубокие заливы и мысы, далеко в море выступающие; покажу, как берег тянется с высокими обрывами, как горы выдвинулись далеко в моря, [60] как высокостоящие города омываются водами, из каких истоков вытекают огромнейшие реки и склонами какими потоки рек в пучину моря катятся, как не раз эти реки сами, в свою очередь, тоже образуют острова, как, широко изогнувши, словно объятия, свои края, заливы дают судам стоянку безопасную, [65] как расстилаются болота или спокойно дремлет гладь озер, как горы поднимают ввысь свои обрывистые пики, как прорезает рощи седой (от пены) вод поток. Концом работы будет для меня описать глубины моря Скифского и гладь понта Эвксинского, [70] а также тех островов, что вздымаются на мраморной его поверхности. Всё остальное мной описано полнее в той книге, которую составил я о различных странах и частях мира. Чтоб мог яснее ты себе представить результаты [75] моих усиленных трудов, которые я положил на эту книжку, начну я свой рассказ, сделав предварительно лишь несколько коротких замечаний. Ты же крепко в сердце заложи мои слова; ведь в них сияет истина: ее искал я долго и извлек из древних авторов.

[80] Широко круг земли раскинувшись лежит, и, в свою очередь, вода тот омывает круг. Но там, где волны глубоких вод, выходя из Океана, изгибаются заливом, чтобы затем раскинулась пучина моря нашего (Средиземного), тут начинается залив Атлантический. [85] Тут город есть Гадир, Тартессой прежде назывался он,—тут колонны Геркулеса, неутомимого в трудах, Абила с Кальпой, последняя на левой стороне, на той земле, о которой я веду рассказ, а по соседству с Ливией Абила. Шумит вокруг них могучий ветер севера, они ж незыблемо стоят. [90] Выдаваясь вперед (как мыс), высокий горный кряж здесь к небу поднимает свою главу—Эстримнидой¹ она звалась в более древние времена. Вздымаясь вверх, громада каменных вершин вся, главным образом, на юг обращена, к дыханию Нота теплого. Внизу же этих гор, у самого подножия, где выступает мыс, [95] перед глазами жителей широко открыт залив Эстримнидийский. В нем лежат те острова, которые зовутся Эстримнидами: широко раскинувшись, богаты они металлами, свинцом и оловом. Народу много тут живет, по духу гордого, настойчивый и ловкий он; [100] им всем прирождена любовь к торговле. На сшитых своих судах они широко бороздят и море бурное, и бездны океана, чудищ полные. Не из сосны они сбивают корабли, и не из клена, не из ели, как обычно [105], они сгибают кили челноков, но—чудное дело—они готовят себе корабли из сшитых шкур и часто на таких судах из твердой кожи они переплывают широкие моря.

[108] Отсюда до острова «Священного»²—такое название дали ему древние—лежит двухдневный путь для кораблей. [110] Средь вод он поднимается широкою поверхностью и на большом пространстве живет на нем и трудится Гиернов племя. Поблизости от него открывается остров племени альбионов. Обычно было для жителей Тартесса вести торговлю в преде-

¹ Французская Бретань?

² Ирландия?

лах Эстримнид. Но и поселенцы Карфагена, [115] и народ, который жил у Геркулесовых столбов, не раз в моря езжали эти. Пуниец Гимилькон, который сообщает, что сам он на себе всё это испытал на деле, с трудом доплыв сюда, говорит, что сделать такой путь возможно только в четыре месяца: [120] тут нет течений ветра, чтобы гнать корабль; ленивая поверхность тихих вод лежит недвижно. Надо прибавить вот что еще: среди пучин растет здесь много водорослей и не раз, как заросли в лесах, движенью кораблей они препятствуют. К тому же, по его словам, [125], и дно морское здесь не очень глубоко, и мелкая вода едва лишь землю покрывает. Не раз встречаются здесь стаи морских зверей и между кораблей, ползущих очень медленно, с задержками, ныряют чудища морей. Если кто затем свой челн [130] от Эстримнидских островов дерзнет направить в те воды, где дочь Ликаона морозит воздух (своею северною) осью, он встретит там лигуров землю; жители покинули ее: отряды кельтов частыми набегами уже давно внесли сюда опустошение. [135] Изгнанные из родины лигуры—ведь не раз судьба иных так гонит—прибыли в данные места¹, покрытые по большей части колючим терном. Здесь острыми земля покрыта камнями, много их лежит тут; утесов крутизны, вершины грозных гор до неба высятся. И много дней пришлось народу-беглецу промучиться [140] в ущельях этих скал, от моря вдалеке: боялся моря он, которое ему напоминало о прежних опасностях. Но затем покой и досуг в связи с тем, что безопасность укрепляла его смелость, внушили мысль ему покинуть свои убежища в горах [145] и спуститься к морскому берегу.

После того, о чем я выше говорил, пред нами открывается «большой залив» широко разлившегося моря, вплоть до самой Офиуссы. Так вот опять (?) от берегов этого залива до моря срединного, которое, как я уже сказал, изогнувшись вливается вовнутрь земель [150] и которое называют Сардинским, идет пешая дорога длиной в семь дней. Береговая линия Офиуссы настолько тянется в длину, как и у острова Пелопса, который, как ты знаешь, лежит в пределах греческой земли. Эта страна вначале называлась Эстримнидою, [155] так как места и земли эти засеяли эстримнии. Но масса змей заставила бежать отсюда жителей, и этой обезлюдевшей земле было дано имя от этих змей. Затем вдается в море мысом Венеры горный кряж. Море здесь бушует около двух островов, [160] ненаселенных вследствие ничтожества их мест. И вновь обращенный к суровому северу высоко поднимается мыс Аруиум. Отсюда на кораблях до столбов славного трудами Геркулеса—пять дней пути. А дальше в море лежит остров; [165] он богат травами и посвящен Сатурну. Столь неистовы его природы силы, что если кто, плывя мимо него, к нему приблизится, то море взволнуется у острова, сам он трясется, всё море высоко вздымается, [170] потрясенное до самой глубины, в то время как остальное море лежит спокойно, как какое-либо болото. Затем высоко поднимается мыс Офиуссы; от горного хребта Аруии до этих мест два дня пути. Но тот залив, который затем широко раскрывается, [175] его нельзя всего легко проплыть, одним и тем же ветром пользуясь. Дело в том, что до середины ты дойдешь с попутно дующим Зефиром, а остальная часть потребует уж Нота. И если вновь откуда кто захочет пешком дойти до берега тартессиев, [180] дорогу эту он преодолеет лишь в четыре дня; а если кто направится тропой, ведущей к морю нашему и к гавани Малаке, то путь его продлится пять целых дней. Дальше поднимается гористый мыс Кемпсик; а под ним лежит высокий остров; у местных жителей зовется он Ахалой. Трудно поверить тому, что [185] о нем рассказывают, так как рассказы полны чудес, но очень много авторитетных свидетельств подтверждают это. Говорят, вода по

¹ Приморские Альпы, севернее Массилии.

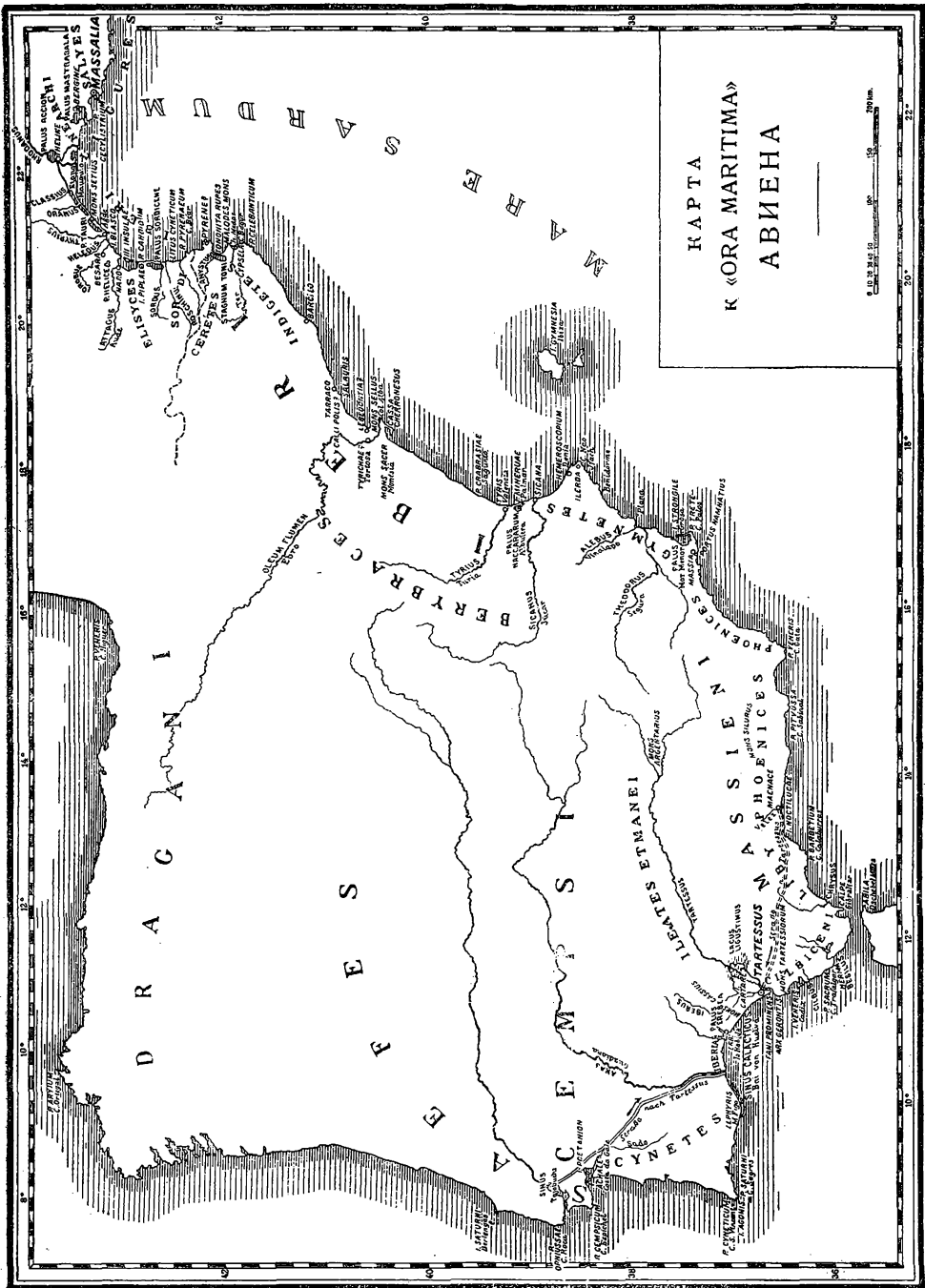
окраинам этого острова никогда не сохраняет того вида, как в остальном море. Ведь всюду вода [190] прозрачна, как кристалл, и в глубине морской воды, как достоверно нам известно, виден лазурный образ. Но здесь, у берега, как сообщают древние, вода всегда мутится отвратительною грязью и становится густой, как будто до глубины она пропитана нечистым испражнением. [195] В области Офиуссы высокие холмы занимают кемпсы и сефы. Возле них упорные лигуры, а высоко на снежном севере потомки драганов свои воздвигли очаги. С боку от сефов есть остров Пэтаннион и [200] широкая гавань. Дальше с кемпсами граничат народы кинетов. Затем идет мыс Кинетийский, обращенный туда, где склоняются на западе лучи светила; высоко и гордо вздымаясь, этот крайний выступ богатой Европы далеко входит в соленые воды обильного чудовищами Океана.

[205] [Тут через область кинетов протекает река Анас, проложив себе в этой земле глубокое ложе. Вновь далее расстилается залив; его выгнутая часть обращена на юг. От названной реки расходятся внезапно два потока и [210] по густой воде выше названного залива,—так как здесь всё море густо от грязи,—с трудом катят свои волны.] Здесь, поднимаясь в небо, высятся вершины двух островов. Меньший не имеет своего имени, другой неизменно по обычаю зовется Агонидой. [215] Торча утесами, здесь высится скала, тоже посвященная Сатурну. Кипит здесь море вприбое волн, и каменистый берег тут протянулся широко. В этих местах по зарослям блуждает много у местных жителей косматых коз с козлами, [220] которые в большом количестве дают густую шерсть, нужную и воинам для жизни в лагере; и для одежды моряков. Отсюда до вышеназванной реки лишь однодневный путь, и тут же граница области кинетов. К ним прилегает область Тартессийская и землю орошает [225] река Тартесс, а затем тянется горный кряж, Зефиру посвященный. Вершина этого хребта носит название Зефириды. Утесами высокими и пиками высится вершина эта; огромной массою гора уходит в небо и тучами покрытую главу ее скрывает [230] как бы вечно держащийся на ней туман. Во всей этой стране земля покрыта густой травой, и постоянно свод небес для жителей покрыт густыми облаками, воздух тяжелый, и никогда день не бывает ярким, а по ночам обычна сильная роса. Никогда здесь не бывает, как в других местах, [235] теченья воздуха, никогда порывы ветра с верха гор не дуют, чтобы разгонять здесь с неба облака, всё это место покрывает мгла тяжелая и неподвижная, и влажною лежит земля. Но если кто на корабле минует высоты Зефириды и войдет в пучины моря нашего, [240] тотчас паруса его надуются дыханием Фавония (западного ветра).

Вновь затем идет цепь, на ней святилища богини подземного царства; тут ее богатый храм, внутренняя часть его в глубокой таинственной пещере, и темный, без света ее адитон (святая святых). Рядом лежит обширное болото, которое называется болотом Эреба. Сверх того, говорят, в древние времена [245] находился в этих местах город Герб; бурями битв был он уничтожен, и только память и имя о себе он оставил в этих землях. Отсюда же течет река Ибер, чьи воды оплодотворяют эти места. Большинство ученых говорит, [250] что иберы получили свое название от этого Ибера, а не от той реки (на севере), которая течет по землям беспокойных васконов, так как все земли, которые с запада прилегают к данной реке, носят название Иберии, восточная же часть их в себе включает тартессиев и [255] кильбикенов.

Затем идет остров Картара, который, по достаточно твердо установившемуся убеждению, был прежде занят кемпсами. Впоследствии прогнанные своими соседями, которые пошли на них войной, они все разошлись, чтобы найти себе различные места для поселения. Далее вздымается гора

Кассий; [260] от ее имени в древности греческий язык называл олово (серебристый свинец) «касситерон». Затем здесь в море выдается «Мыс храма»

и высоты крепости Геронта, получившей свое старинное название еще из Греции. Я слышал, что от нее в былые времена пошло и имя Гериона. [265] Тут широко лежит побережье Тартессийского залива. От вышеназванной реки (Анасы) дорога в эти места на корабле займет всего один лишь день.

Стоит тут город Гадир, так как на языке пунийцев место, укрепленное стенами, называется «гадир». Сам он прежде [270] назывался Тартессом. В древние века это был большой и богатый город, теперь же это бедное, ничтожное, людьми покинутое место, развалин груды. Кроме торжественного служения Геркулесу, мы не видали в этих местах ничего замечательного. [275] Но в прежние времена этот город в представлении людей имел такое могущество и такой блеск, что гордый царь, наиболее могущественный из всех, которых случалось иметь тогда маврузиям, особенно любимый принцепсом Октавианом, [280] всегда глубоко занятый литературными трудами, царь Юба, несмотря на то, что был отрезан он от Тартесса пучиной моря, считал, что лично для него было наиболее славным титулом название «дуумвира Гадира». Река Тартесс, после того как вытечет из Лигустинского озера и [285] разольется по широким полям этой местности, со всех сторон он омывает своим течением остров (Каргалу). Эта река катится не одним простым потоком и не одним своим руслом бороздит она прилегающие к ней земли; три ее протока идут по полям с той стороны, где свет с востока появляется, [290] четырьмя другими она омывает город с юга. Над этим болотом высится гора Аргентарий (серебряная), названная так еще древними за свой внешний вид: большое количество олова блестит по ее склонам, и от горы исходит в небо яркий свет, особенно [295] когда солнце своими огненными лучами осветит ее гордую вершину. Эта же река в своем течении катит крупницы тяжелого олова и подгоняет к городу этот дорогой металл. Затем, где, от поверхности текучих вод отделяясь солеными полями, отходит в глубь материка [300] широкая страна, живет там племя этманейцев. Отсюда далее вплоть до полей кемисов простираются по плодородной местности жилища илеатов. Приморский берег занимают кильбикены. Геронта крепость и мыс храма, как я говорил [305] выше, разделяет море, и открывается залив между этими утесами, спускающимися круто к водам. У второго из них вливается широкая река. Затем вздымается гора тартессиев, густо поросшая лесами. Здесь есть остров Эрития [310] с широкими лугами, бывший некогда под властью пунийцев; ведь вначале его занимали поселенцы из древнего Карфагена. От континента этот остров Эрития отделяется проливом в пять стадий. Далее от возвышенности на западе (от Гадира), где заходит день, [315] есть остров, посвященный морской Венере, на нем и храм Венеры, и глубокая пещера вмещает ее святилище; там же и ее оракул. Если ты пойдешь от той горы, которая, как я тебе уже сказал, поросла густым и страшным лесом, то берег спускается полого и состоит из мягкого песка. [320] По этому песку катят свои волны реки Безил и Кильб. Затем на запад от них «Святой» хребет ввысь поднимает гордые свои утесы. Некогда греки называли это место «Герма». Эта Герма является как бы укреплением из земли, вроде вала [325] и с двух сторон она прикрывает озеро, лежащее между валами, как пролив. Другие говорят, что это была дорога Геркулеса, когда засыпал он моря, по их словам, чтобы открыть удобный путь для захваченного им стада. Затем многие авторы говорят, что в древние времена [330] по всем законам Герма была частью Ливийской земли, и не следует с презрением относиться к свидетельству Дионисия, который нам указывает, что Тартессий был границей Ливии. На европейской стороне далеко в море выдается мыс, который, как я указал, местные жители называют священным. [335] Между этими двумя местами протекает узкий пролив, который также называется Герма или Геркулесовым путем. Эвктемон, житель города Амфиполя, говорит, что он в длину имеет только 108 миль, [340] а земли разделяет милями тремя. Тут поднимаются Геркулесовы столбы, которые, как я читал, являются пределами двух континентов. Это две одинаковые скалы, далеко вдавшиеся в море, Абила и Кальпа. Кальпа на испанской стороне,

[345] Абила на земле маврузиев. Абилой ее называет племя пунийцев, что на языке варварском, т. е. на латинском, как говорит нам Плавт, значит высокая гора. В свою очередь, Кальпа по-гречески—вид полой, точеной по виду чаши. [350] Тот же афинянин Эвктемон говорит, что не были они утесами и не вздымали своих вершин по обе стороны пролива. Он говорит, что между материком земли ливийской и берегом Европы лежали два острова, они-то, он говорит, и назывались [355] столбами Геркулеса; он передает, что расстояние между ними было тридцать стадий; что сплошь они были покрыты густым лесом и всегда были неприветливы для моряков. Он же рассказывает, что были на них и храмы Геркулесу и жертвенники; что иноземцы приезжали сюда на кораблях, чтоб [360] помолиться богу, и уходили отсюда быстро: нечестием считалось долго задерживаться на островах. Вокруг них и поблизости широким потоком, как он говорит, течет неглубокое море. Нагруженные суда не могут подходить к этим местам [365] вследствие мелких вод и глубокой густой прибрежной грязи. Но если случится, что кого-нибудь желание заставит посетить святилище Геркулеса, он поспешает отвести корабль свой к острову Луны, снимает с него груз и так плывет по морю на облегченном уже судне. [370] Но сколько бурных вод течет между колоннами, то по словам Дамаста едва там наберется стадий семь. Скилакс из Карианды добавляет, что поток между столбов таков же шириной, как и бурный пролив Боспора. [375] За этими колоннами по берегу Европы некогда занимали и поселения и города поселенцы карфагенян. У них был такой обычай—строить свои суда с более плоским дном для того, чтобы такой челн с более широким килем мог легче проходить по более мелким пространствам моря. [380] Далее на запад от этих столбов море безбрежно, как говорит Гимилькон; широкие расстилаются во все стороны его пучины. Никто не доходил до этих вод, никто на эти моря не посылал своих кораблей, [385] потому что, по его словам, нет там потоков воздуха, дующих с высот, чтобы гнать корабль вперед, никакое дыхание небес не помогает парусам. Отсюда, говорит он, мрак одевает воздух как будто какое одеяние, всегда густой туман нависает над пучиною, и сумрачные дни не разгоняют туч над ним. [390] Это—тот самый Океан, который грозно шумит вокруг широко раскинувшегося круга земель, это—величайшее море, обнимающее своими пучинами берега земли, это тот, который вливает свои воды во внутренние моря, это—родитель и отец нашего (Средиземного) моря. Сила этого могучего Океана образует на внешних берегах много глубоко изогнутых заливов [395] и, кроме того, вливается в пределы наших земель. Но я назову тебе, как главнейшие, четыре лишь залива: первое проникновение Океана в материк—это Гесперийский залив и Атлантическое море; затем это воды Гиркании, Каспийское море; [400] третье—Индийское море, а сзади примыкал к нему залив Персидский; наконец, в-четвертых,—пучины Аравийского залива, овеваемого теплым дуновением Нота. По старинному обычаю, его зовут Океаном, но и иначе дают ему имя Атлантического моря. Его пучины раскрываются на огромное пространство [405] и широко разливаются в беспредельном очертании берегов. По большей части глубина вод его настолько мелка, что едва покрывает лежащие под ней пески. Над поверхностью воды поднимаются густые водоросли, и ил мешает здесь течению. [410] Огромное количество чудищ плавает здесь в море, и от этих морских зверей великий страх объемлет эти земли. В древности пуниец Гимилькон рассказывал, что сам их видел на волнах Океана и сам испытывал их на себе. Все эти подробности, переданные с древнейших времен пунийскими анналами [415] за долгие века, в свою очередь, я передаю тебе. Теперь в своем изложении вернемся к прежнему. Итак, как я сказал, напротив той колонны, стоящей на ливийской стороне, поднимается другая

на европейском берегу. Здесь в глубокое море вливается река Хриз; [420] потой и по другой стороне его живут четыре племени. В этих местах находятся свирепые либофиникийцы, массиены, тут царства Кильби-кенские с их плодоносными полями, тут и богатые тартессии, которые простираются до Калактийского залива. [425] Около них находится гора Барбециум и река Малаха, с городом того же названия, который в прежние века назывался Менакою. Здесь есть остров, лежащий против города; был он под властью тартессийцев; местными жителями был он [430] прежде посвящен «Светилу ночи». На этом острове есть тихое озеро и безопасная гавань. Выше его находится город Менака. В том месте, где данная страна отступает дальше вглубь от вод, массивная гора Силур своей вершиною уходит в небо. Затем поднимается большой утес и выступает далеко [435] в глубокое море. Сосна, некогда столь частая здесь, по своему греческому названию дала наименование этому месту (Питиусса). До храма Венеры и до Венерина хребта берег идет всё понижаясь. Прежде по этому берегу лежало много городов; [440] многочисленное финикийское население занимало прежде эти места. Покинутая земля обратилась теперь в неприветливые безлюдные пески, и лишенная своих возделывателей почва, ставши пустырем, заросла тернием. С вышеназванного Венерина хребта вдали видна Герма на Ливийской земле, [445] о которой я говорил раньше. Здесь вновь расстилается берег, лишенный жителей на покинутых полях. А раньше здесь стояло много городов и много народов прославили эти места. Далее, делая изгиб со стороны открытого моря, [450] около города Массиены расстилается Намнатийский залив, и в глубине этой гавани поднимается город Массиена с его высокими стенами. За ними высится мыс Трета, а рядом лежит небольшой остров Стронгила. У границ этого острова [455] простирает свою широкую поверхность огромное болото. Тут течет река Феодор—не удивись, что в такой дикой и достаточно-таки варварской стране ты слышишь такое название на греческом языке. Эти местности прежде заселяли финикийцы. [460] Вновь отсюда расстилаются прибрежные пески и широким поясом его опоясывают три острова. Некогда здесь была граница владений тартессиев, здесь город Герна был. Прежде занимало эти места племя гимнетов [465] вплоть до русла текущего здесь мимо этих мест Сикана; теперь же, покинутая и давно лишенная жителей, лишь для самой себя говорливою струей течет река Алеб. Затем средь вод виднеется остров Гимнесия, который дал свое древнее имя народу, здесь живущему, [470] а дальше появляются острова Питиусские, и широко здесь высится хребет Балеарских островов. Против них, вплоть по Пиренейские горы, вдоль берегов внутреннего (Средиземного) моря иберы основали свою власть, заняв широкое пространство. Первым высится [475] их город Илерда. Дальше по берегу тянутся бесплодные пески. Затем здесь также лежит город Гемероскопий, некогда многолюдный, а теперь его земля пустынная, вся затянута болотом сонным. Следом поднимается город Сикана, [480] названный так иберами по имени соседней реки. Недалеко от места, где раздвоится течение, река Тирий опоясывает город Тирис. Там, где эта земля отходит далеко от моря, страна широко покрыта зарослями и кустарником. [485] Здесь племя грубое и дикое, бери-браки, блуждает со своими многочисленными стадами. Питаясь очень грубой пищей, молоком и твердым сыром, они поддерживают свое существование, наподобие диких зверей. Затем выступает высокий хребет Крабрасии, [490] и обнаженные прибрежные места лежат вплоть до границ пустынных Херсонеса. По ним расстилается болото наккаров: обычай дал болоту этому такое имя. Посреди болота поднимается небольшой остров, [495] богатый оливками и потому посвященный Минерве. Рядом с ним было много городов. Так, здесь находились Гилакты, Гистра, Сарна и знамени-

тые Тирихи. Это было древнее имя города, и богатства жителей были славны и замечательны [500] по всем странам мира. Кроме плодородия земли, которая кормила обширные стада, растила виноградники и дары златокудрой Цереры, по реке Гиберу подвозились иноземные товары. Рядом свою гордую главу поднимает «Священная» гора, [505] а река Олей, рассекая близлежащие поля, впадает в море; протекая между двумя вершинами горного хребта. Далее гора Селл—это имя гора носит издревле—вздывается высоко до самых облаков. К ней прилегал город Лебедонция, но это было в прежние времена, [510] теперь же это поля, лишённые человеческого жилья, норы и логова диких зверей. За ним на большое пространство тянутся песчаные берега, на которых некогда стоял город Салаврис, на них же в прежние времена была построена и древняя [515] Каллиполис, та самая Каллиполис, которая взлетом своих стен и высокими крышами домов далеко ушла в небо; она широким обхватом своего поселения окружила с обеих сторон озеро, всегда богатое рыбою. Затем идет город Тарракон и [520] чудесная обитель богатых барцилонов. Тут раскрывает, давая безопасность, гавань свои объятия, и сладкою водой всегда земля увлажнена. Дальше идут пределы суровых индикетов—суровое племя и жестокое; они охотники [525] и вечно держатся в своих трущобах. Затем Келебантийский кряж тянется глубоко своими горными вершинами в соленые воды Фетиды. Только память сохранилась, что прежде здесь стоял город Кипсела. Суровая почва не сохранила никаких следов от прежнего города. [530] Здесь гавань раскрывается огромным заливом, и море широко вливается в пустое, как пещера, пространство земли. За этими местами лежит берег индикетов вплоть до мыса, образуемого высоко вздымающимися вершинами Пиренеев. За этим берегом, который, как я сказал, тянется, [535] как бы откинувшись назад, вздымается гора Малод, и выдаются из воды высоких два утеса, двойной вершиной упираясь в небо и касаясь туч. Меж этими утесами лежит, широко расстилаясь, гавань, поверхность ее не возмущается порывами ветров. [540] Ведь впереди нее лежат, широко раскинувшись, утесы, вершины скал ее широким валом окружают, а между этих каменных громад лежит вод неподвижных глубь; гладка поверхность их, и заключенное здесь море как бы спит. Затем лежит болото Тони у подошвы гор, и [545] поднимается хребет тононитских скал, через которые река Анист с шумом катит свои пенистые волны и далеко потоком вод своих он рассекает море. Вот что лежит около соленых моря вод; а все те поля, которые далеко отошли от морских пучин,—прежде эти места [550] занимали твердые духом цереты и авсоцереты, теперь они все идут под одним именем племени иберов. Наконец, дальше отсюда жил народ сордов средь бездорожья недоступных этих мест; простираясь до внутреннего (Средиземного) моря, проводили они всю жизнь свою среди берлог диких зверей, [555] там, где высятся покрытые соснами вершины Пиренеев, широко вздымаясь и над полями и над пучиной моря. На границе сордиценской земли некогда, говорят, [560] стоял богатый город Пирена, и жители Массалии часто по своим торговым делам ходили сюда и обратно. Пространство от Геркулесовых столбов, от пучин Атлантики и границ области Зефириды до Пирены быстро идущий корабль [565] может проплыть в семь дней. За Пиренейским мысом простираются пески Кинетийского берега, и через них широким потоком проложила свое ложе река Росцин. Эта земля, как я сказал, является полями сордиценскими. Здесь озеро лежит широкое среди болот и [570] жители зовут его Сордиценою. За шумными водами широкой пучины—так как вследствие огромного объема его широко раздвинувшихся берегов часто оно вздувается и кипит от возмущающих его порывов ветра—из самого этого болота вытекает река Сорд. [575] И опять от устья вытекающего Сорда (пропуск в тексте).

Отсюда берег весь покрыт морскими заливами, и себе в ущерб изрезана земля глубоко, и масса вод вливается сюда, и глыбы волн морских расходятся по суше. [580] Три острова значительных здесь поднимаются и вокруг твердых скал течет здесь море. Недалеко от этих мест, где река прорвала себе выход в море, открывается другой залив и своими глубокими волнами оmyвает четыре острова—[585] обычное название в старину было им всем «Пиплы». В прежнее время эти места занимало племя элезиков, и город Наро был огромною столицей этого дикого царства. Здесь в соленые волны моря впадает река Аттаг, и [590] рядом опять-таки находится болото Гелика. Древнее предание гласит, что здесь лежала некогда Безара. А теперь реки Гелед и Ороб текут по пустынным полям по холмам развалин, свидетельниц прежнего благоденствия. [595] Недалеко от этих рек река Тирий впадает в море (пропуск в тексте) (чтоб) никогда здесь не поднимались горы высоких волн и [600] покой Альционы всегда расстилался по пучине. Вершина этого утеса поднимается как раз напротив того далеко выдающегося мыса, который, как я сказал, называется Кандидом (Белым). Рядом находится остров Бласко, который выдается из моря своими закругленными краями. [605] На материке, между вершинами вздымающихся горных хребтов, вновь идет пространство песчаных земель, и тянутся берега, лишенные жилья. Дальше вздымается гора Сеций с высокою вершиною, вся покрытая соснами. Горный хребет Сеция [610] своими предгорьями тянется до Тавра. Тавром местные жители называют озеро, близ лежащее от реки Орана. Его течением разделяются земли гиберов и суровых лигиев (лигуров). Здесь находится город Полигий, [615] и маленький, и достаточно бедный. Здесь расположен поселок Манза и городок Наустало, а над самым морем высоко поднимается город племени гезики (?) (в потерянных дальше стихах идет, вероятно, описание озера Маугио) [620] в его воды вливается река Классий. Область же Кименике уходит далеко от моря, со своими широкими пространствами, вся тенистая от густых лесов; имя ей дал [625] горный кряж с высокими хребтами. Валы предгорий нижних этого хребта своим течением обmyвает Родан (Рона), и эти утесистые громады нависших гор он пересекает своим течением. Лигуры расселились широко до вод Средиземного моря, начинаясь далеко от Сатиевских высот и скал каменистого горного хребта. [630] Но данное место как бы требует, чтобы я подробнее рассказал тебе о течении реки Родана. Прости, мой милый Проб, что задержу я здесь нить своего рассказа описанием того, где родилась река Родан, как течет она своим извилистым потоком, блуждая из стороны в сторону, каких племен пределы оmyвают воды этой реки, [635] с какою выгодой для жителей течет она по их землям и как, разделившись на ряд устьев, она впадает в море. На востоке высоко в небо поднимают Альпы снежный свой хребет; цепью гор скалистых галльские поля пересекаются; [640] дыхание этих гор несет всегда с собою бури. Вытекая отсюда и вырвавшись из широко разверзшейся пещеры при самом рождении своих вод, у самого истока Родан стремительным своим течением глубоко бороздит поля и уже там является судоходным. Тот склон высоких гор, который дал рождение реке, [645] люди здешнего племени зовут «колонной солнца». Настолько своей вершиною высоко уходит этот склон, скрываясь в тучах, что им прикрытое бывает невидно солнце юга на противоположной стороне горы, когда, [650] собираясь вновь начать день, доходит оно до северных пределов. Ты знаешь, мнение эпикурейцев было следующее: солнце не знает никакого «заката», не опускается ни в какие пучины, никогда, никогда не скрывается, но обходит кругом землю, проходя наискось по небу, [655] оно дает жизнь землям, питает своим благодатным светом весь небесный свод и попе-

ременно у известных стран оно отнимает блистающий факел Феба; что (там поднимается горная цепь высоких вершин, которая простирается с запада до самых северных границ, этой гранью деля мир на две части, равно и пути солнца)¹. Когда же оно пересечет свою южную орбиту, когда свет его склонится к атлантической оси, чтоб свет нести живущим дальше всех Гипербореям, [665] чтобы самому ему взойти в пределах ахеменидов (в Персии), по своему изогнутому кругу склоняется оно в другую часть эфира и проходит грань. И когда светило скроется от наших глаз, на небе появляется ночь черная, и нашу землю, наши все места покроет тьма непроглядная, [670] но зато ясный день сияет тем, кто дрожит на севере под высоко стоящим в небе созвездием медведицы. Когда же вновь ночная тень «медведицу» обнимает, всё наше племя веселится под светлыми лучами дня. Затем река Родан от своих истоков течет через пределы тилангиев, [675] далитернов, по нивам клагильков и по полям лемеников—всё это имена довольно грубые и все они сначала ранят наш слух. Но умолчать о них перед тобой не мог я из-за твоей жажды к знанию и моего старания. Далее он течет, уходя десятью [680] изгибами своего русла, и сам отсюда, как передают многие писатели, впадает в огромный бассейн стоячей воды, широкое озеро, которое старинный греческий обычай называл Акционом², и свои стремительные волны гонит через спокойную поверхность озера. Вытекая отсюда и [685] сузившись, наподобие обычных рек, он катит свои воды в пучины Атлантики, смотря одновременно и на наше море и на западное, он прорезает широкий песчаный берег своими пятью устьями.

Здесь поднимается крепость Арелате; [690] Телиною звалась она в прежние времена, когда ее заселяли греки. Много причин заставило меня рассказывать так длинно относительно Родана, но никогда душа моя не будет склонной утверждать, что будто этою рекою Европа отделяется от Ливии, [695] хоть древний и утверждал Филей, что таково было мнение местных жителей. Да будет это дикое невежество предметом нашего презрения и насмешки и получит заслуженное имя. Отсюда идет плавание в продолжение двух дней и двух ночей [700] до пределов племени неархов с их городом Бергиной, жестоких салиев с древним городом среди болот Мастрабалийских; далее—мыс с высоко поднимающейся горой, которую зовут жители этих мест Цецилистрием, и, наконец, сам город Массалия. Расположение ее таково: [705] впереди города лежит морской берег, одна лишь узкая дорога перешейком идет меж вод. Пучина моря шумит, катясь у ее сторон, стоячие воды (залива) окружают город. Вода оmyвает и город и дома, разлившись повсюду, и этот город почти что остров. Так рука человека заставила влиться в середину земли. Но древних основателей ее прилежный труд искусством победил и форму мест, и природу земли. И если тебе угодно заменить старинные названия этими новейшими....

Перевод С. П. Кондратьева

¹ Эти строки совершенно выпущены в испанском издании.

² Это не Женевское озеро, о котором автор, повидимому, ничего не знает.

